

Эволюция творческого метода Кузубая Герда через призму эмоций и чувств его поэзии

Л. В. Бусыгина

*Научно-исследовательский институт национального образования,
г. Ижевск, Российская Федерация,
buslw@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена описанию вербальных способов проявления эмоций в поэтических произведениях Кузубая Герда, ибо наиболее эффективным способом изучения языковой личности писателя является анализ эмоциональной составляющей произведений. Проведён анализ частотного рейтинга лексем его поэтических текстов. Особое внимание уделено описанию потенциально эмотивной лексики, слов-аффективов, лексики, заключающей в своём значении эмотивный компонент, и коннотативов, лексики, эмотивная семантика которой имеет статус коннотации. Поскольку эмоциональная информация в поэтическом тексте требует особой системы языковых средств выражения, представлен анализ разных уровней выразительных средств: лексический, синтаксический, фонетический и проч. Исследования позволяют говорить об эмоциональном стиле писателя и эволюции его творческого метода.

Цель: на основе анализа маркеров эмоций и эмотивных смыслов в поэзии Кузубая Герда ещё раз скорректировать представление о творческом методе поэта.

Материалы исследования: поэтическое наследие Кузубая Герда и Частотный словарь лексем его поэтических текстов, созданный автором данного исследования (в соавторстве с программистом Я. Р. Насибуллиным).

Результаты и научная новизна. Научная новизна исследования продиктована неизученностью эмоциональной языковой личности поэта, а также отсутствием лингвопоэтических исследований в рамках удмуртской филологии. Выявлено, что уникальность эмоций Герда обнаруживается в многообразии языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, индивидуально-авторские обороты, различные синтаксические конструкции и т. д. Но главным средством передачи индивидуально-авторского смысла, доминантных эмотивных смыслов является поэтическая метафора. При этом эмоциональная информация в поэтических текстах Герда выражается совокупностью языковых средств. Проведённые исследования позволяют говорить об эмоциональном стиле писателя и эволюции его творческого метода, в котором основной является реалистическая концепция.

Ключевые слова: эмоционально-экспрессивный стиль, аффективы, коннотативы, потенциально эмотивная лексика, метафора, эмотивные смыслы.

Для цитирования: Бусыгина Л. В. Эволюция творческого метода Кузубая Герда через призму эмоций и чувств его поэзии // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 34–42.

Evolution of the creative method of Kuzebay Gerd through the prism of emotions and feelings of his poetry

L. V. Busygina

*Research Institute of National Education,
Izhevsk, Russian Federation,
buslw@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the description of verbal ways of emotional displays in Kuzebay Gerd's works, because the most effective way of study of a language personality of a writer is analysis of the emotional component of works. The analysis of frequency rating of the lexical units of his poetic texts is presented. Particular attention was paid to the description of potentially emotive vocabulary (affective words with emotive component) and connotative vocabulary (words with connotative status). But if emotional information in a poetic text requires a special system of linguistic means of expression, we present the analysis of different levels of expressive means – lexical, syntactic, phonetic, etc. The results of the research allow speaking about the emotional style of the writer and development of his creative method.

Objective: to correct representation about the poet's creative method on the basis of analysis of markers of emotions and emotive meanings.

Research materials: poetic heritage of Kuzebay Gerd and the Frequency Dictionary of the lexemes of his poetic texts created by the author of the research (co-authored with the programmer Ya. R. Nasibullin).

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the research is dictated by the unexplored emotional language personality of the poet, as well as the lack of linguistic and poetical research in the framework of Udmurt Philology. It was revealed that the uniqueness of Gerd's emotions is found in the variety of language means, which include the appropriate vocabulary, individual author's means of expression, various syntactic constructions, etc. But the main mean of representation of the individual author's sense, dominant emotional meanings, is a poetic metaphor. At the same time, emotional information in Gerd's poetic texts is expressed by a set of language means. The conducted research allows us to speak about the writer's emotional style and the evolution of his creative method, in which the main one is a realistic conception.

Key words: emotional and expressive style, affectives, connotatives, potentially emotive vocabulary, metaphor, emotive meanings.

For citation: Busygina L. V. Evolution of the creative method of Kuzebay Gerd through the prism of emotions and feelings of his poetry // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 34–42.

Введение

Проблема эмотивности остаётся предметом дискуссий в лингвистике, психолингвистике, переводоведении, литературоведении и рассматривается исследователями в разных аспектах в соответствии с поставленными задачами. Актуальной задачей литературоведческой науки предстаёт исследование «эмоциональной языковой личности» (термин В. И. Шаховского) писателя, поскольку художественный текст, в первую очередь, соотносится с миром эмоций и чувств героев. В художественных произведениях эмотивность, вербальное выражение эмоций говорящего, является способом создания литературного образа, передачи чувств, переживаний и мыслей героев, формирования его внутреннего мира. Многоаспектный анализ эмотивной лексики открывает возможность перейти от изучения отдельной языковой единицы к исследованию образности художественного текста. При этом именно тексты репрезентируют мысли и чувства автора. Поэтому эффективным способом изучения языковой личности писателя является анализ эмоциональной составляющей произведений.

Изучение способов вербализации эмоций в поэзии Кузебая Герда, а также анализ базовых метафорических тем его лирического наследия с опорой на Частотный словарь [2, 212–248] помогут выявить особенности эмоционального стиля поэта. Маркеры эмоций позволят проследить эволюцию поэтического мироотношения, ещё раз уточнить представление о его творческом методе: определить, какое из начал, романтическое или реалистическое, оказывается доминирующим в творчестве удмуртского поэта; пессимистична ли ранняя поэзия Герда, как

считают отдельные исследователи его творчества [3, 86; 16, 15].

В лексической системе языка учёные разграничивают два вида понятий, передающих эмоциональную сферу человека: эмотивную лексику и лексику эмоций. Но согласно В. И. Шаховскому, «имена эмоций, наряду с лексикой, описывающей и выражающей эмоциональные состояния, составляют систему лексических эмотивных средств, поэтому в понятие эмотивности включается как эмотивная лексика, так и лексика эмоций» [22, 9; 23, 34]. При анализе данного пласта словарного состава поэзии Герда считаем целесообразным придерживаться также классификации В. И. Шаховского, который выделил три типа эмотивной лексики: 1) эмотивы-аффективы (эмотивное значение выступает единственным лексическим значением); 2) коннотативы (эмотивная семантика имеет статус коннотации); 3) нейтральная лексика, способная становиться эмотивной в речи (потенциально эмотивная). То есть, согласно В. И. Шаховскому, семантическая категоризация эмоций в лексической системе языка представлена «эмотивностью в трёх статусах: значением, коннотацией и потенциалом, а также в двух типах языковых эмотивов – аффективах и коннотативах, и в одном типе речевых эмотивов – потенциальных эмотивных лексем» [23, 39–40]. Остальная же лексика, номинирующая или описывающая эмоции, по мнению учёного, не относится к эмотивной, поскольку эти слова несут лишь мысль о переживании, но не непосредственное его выражение. В данном случае следует согласиться с утверждением Л. Г. Бабенко о том, что «... семантическая категоризация эмоций должна быть осуществлена, прежде всего, при рассмотрении лексики, называющей

эмоции, хотя бы потому, что в ней эмотивные смыслы эксплицитны, более устойчивы, стабильны. Эти слова – непосредственные знаки эмоций» [1, 13]. Поэтому лексика поэтических текстов Герда, номинирующая эмоции, в нашем исследовании правомерно отнесена к потенциально эмотивной лексике.

Базовые эмоции универсальны и узнаваемы во всех этнокультурах, но различаются по формам проявления, следовательно, и словарь эмоций в разных языках далеко не одинаков [30, 25]. Более того, одна и та же эмоция разными языковыми личностями будет выражаться по-разному, эмоции всегда когнитивны, ситуативны [28, 182] и дискурсивны [27, 64]. Поэтому ни одна наука не может чётко обозначить их количество. В работе будем опираться на классификацию психолога К. Изарда, который выделяет 12 базовых эмоций [13, 109].

Материалы и методы

Материалом исследования послужило поэтическое наследие Кузубая Герда и Частотный словарь лексем его поэтических текстов, созданный автором данного исследования (в соавторстве с программистом Я. Р. Насибуллиным).

Основным методом исследования избран комплексный подход, в основе которого лежит принцип единства формы и содержания, в связи с чем работа строится на сочетании историко-литературного и структурно-семиотического подходов.

Теоретико-методологическая база создавалась с учётом концепций, отражённых в трудах В. И. Шаховского [22; 23; 24; 25], А. Вежбицкой [5; 30; 31], Л. Г. Бабенко [1], С. В. Ионовой [15], Ф. Г. Фаткуллиной [21], Ю. Н. Караулова [17], А. А. Heller [28], W. Nöth [29], К. Изарда [13], П. Домокоша [11], а также литературоведов Удмуртии – Ф. К. Ермакова [12], А. С. Измайловой-Зуевой [14], В. М. Ванюшева [3] и др.

Результаты

Из всего количества слов Частотного словаря лексем поэтических текстов Кузубая Герда (более 5000 слов) лишь 3% является потенциально эмотивной лексикой. Языку поэзии Герда не свойственна экспрессивность. Эмоциональность художественного слова достигается в большей степени метафоризацией. Потенциально

эмотивная лексика, т. е. слова, называющие эмоции и их проявления, распределились следующим образом:

интерес: *мылкыд* ‘интерес, желание’ (24¹), *маскара* ‘интересный’ (3);

радость (удовольствие): *горись* ‘сущ. от *горыны*’ (1), *горыны* ‘хохотать, радоваться’ (1), *мылкыд* ‘настроение, желание’ (43), *мылкыдо* ‘с настроением’ (1), *серектэм* ‘улыбка’ (1), *серекъям* ‘смех’ (1), *серекъян* ‘сущ. от *серекъяны*’ (2), *серекъяны* ‘смеяться; перен. улыбаться, смеяться’ (69), *серекъясь* ‘прич. от *серекъяны*’ (7), *серем* ‘смешной’ (1), *шудылэм-серектэм* ‘прич. от *шудыны-серектыны* (веселиться)’ (1), *шулдыр* ‘радостно; красиво’ (37) || ‘радостный; хороший’ (94) || ‘радость’ (10), *шулдыртыны* ‘развеселить’ (11), *шулдыръяськыны* ‘веселиться, радоваться’ (1), *шумпотйсь* ‘сущ. от *шумпотыны*’ (1), *шумпотон* ‘радость’ (4), *шумпотыны* ‘радоваться’ (50), *шумпотэм* ‘сущ., радость’ (2), *юмшан* ‘веселье, гулянье’ (1), *юмшаны* ‘веселиться’ (4);

удивление (изумление): *абдрам* ‘удивлённый’ (1) || ‘удивление’ (1), *абдрамон* ‘изумительный’ (3), *абдран* ‘изумительный’ (1), *абдрано* ‘удивительный, изумительный’ (2), *абдрано кадь* ‘удивительный’ (2) || ‘удивительно’ (1), *абдраны* ‘удивляться’ (12), *паймоно* ‘удивительный’ (1), *паймоно кадь* ‘удивительно, изумительно’ (10), *паймыны* ‘удивляться’ (11); *паймытыны* ‘удивить, изумить’ (3);

печаль (горе): *бёрдысь* ‘прич. от *бёрдыны*’ (8) || ‘сущ. опечаленный’ (4), *бёрдон* ‘плачь’ (9), *бёрдыны* ‘плакать; печалиться’ (143), *бёрдэм* ‘прич. от *бёрдыны*’ (2) || ‘плачь’ (5), *бёрзытыны* ‘довести до слёз’ (4), *жсож* ‘печаль, грусть’ (1) || ‘печальный’ (1), *жсоже кылыны* ‘огорчиться’ (1), *кайгу* ‘горе, печаль’ (10), *кёт бёрдыны* ‘горевать, печалиться’ (2), *кёт кайгу* ‘горе, печаль’ (4), *кётжсож* ‘печальный’ (1) || ‘обидно, досадно’ (4), *куректйсь* ‘прич. печальный’ (1), *куректон* ‘страдание, горе, печаль’ (27), *куректыны* ‘переживать, страдать’ (30), *куректэм* ‘переживание’ (2), *лулзылон* ‘сущ. от *лулзылыны*’ (1), *лулзылэм* ‘вздыхать’ (2), *лулзыны* ‘вздыхнуть, опечалиться; вздыхать, печалиться’ (33), *лулскыны* ‘вздыхать, печалиться’ (3), *мозмем* ‘прич. от *мозмыны*’ (1) || ‘грусть, печаль’ (2), *мозмись* ‘прич. от *мозмыны*’ (4), *мозмон* ‘грусть, печаль’ (5), *мозмоно кадь* ‘печальный’ (3), *мозмылэс* ‘печальный’ (1), *мозмыны* ‘тосковать; печалиться’ (53), *мозмыт* ‘печальный’ (8) || ‘печально’ (9);

¹ Здесь и далее в скобках указано количество фиксаций слова в Частотном рейтинге лексем поэтических текстов Кузубая Герда.

гнев: *вож вайыны* ‘разозлиться, злиться’ (4), *вож лыктыны* ‘разозлиться, злиться’ (1), *вожпонтэм* ‘гнев; злость’ (1), *йыркур* ‘гнев; злость’ (1), *йыркур вайыны* ‘рассердиться’ (1), *йыркурэн* ‘нареч. со злостью, со злости’ (1), *карган* ‘прич. проклятый’ (1), *карган-кыл* ‘слова-проклятия’ (1), *карганы* ‘проклинать’ (29), *каргаса быттылыны* ‘проклинать’ (1), *кесяськем* ‘крик, ругань’ (1), *кесяськись* ‘сущ. от *кесяськыны*’ (3), *кесяськыны* ‘кричать, ругаться’ (3), *куаретыны* ‘ругать, отругать’ (1), *лекъяськыны* ‘сердиться, рассердиться’ (1), *люкыръяськыны* ‘возмущаться’ (2);

отвращение и презрение: *аджонтэм* ‘прич. ненавистный, презренный’ (3) | ‘сущ. ненавистный’ (2), *аджонтэм карыны* ‘ненавидеть’ (8);

страх (тревога): *кйшкеманы* ‘бояться, страшиться’ (2), *курданы* ‘бояться, пугаться’ (3), *кышкан* ‘прич. от *кышканы*’ (1) | ‘страх, боязнь’ (1), *кышкано кадь* ‘страшный’ (1) | ‘страшно’ (4), *кышканы* ‘бояться’ (38), *кышкась* ‘боязливый’ (3), *кышкатыны* ‘запугать; спугнуть’ (8), *кышкыт* ‘страшный, опасный’ (11) | ‘страшно, опасно’ (4), *иурдыт* ‘страшный, опасный’ (2) | ‘страшно, опасно’ (4);

стыд и смущение: *возьдаськись* ‘застенчивый’ (7), *возьдаськыны* ‘стыдиться, стесняться’ (13), *возьыт* ‘совестно’ (3) | ‘совесть’ (1), *возьытэ вуыны* ‘стесняться’ (1), *кепыр потыны* ‘стесняться’ (1), *керпотыны* ‘стесняться’ (2);

вина: *янгыш* ‘виновный’ (1);

любовь: *гажжан* ‘дружок, подружка’ (27) | ‘милый, любимый; уважаемый’ (30), *гажжано* ‘уважаемый’ (1), *гажжаны* ‘любить; уважать’ (12), *гажжась* ‘сущ. от *гажжаны*’ (1), *дуно* ‘дорогой, милый’ (16), *зыгырскыны* ‘обняться’ (5), *зыгыртыны* ‘обнять’ (13), *зыгыръяськыны* ‘обниматься’ (1), *лул-гажжан* ‘задушевный друг’ (1) | ‘задушевный’ (1), *мусо* ‘дорогой, любимый, ласковый’ (8) | ‘сущ. дорогой, милый’ (8), *мусо карыны* ‘любить; уважать’ (2), *мусояны* ‘облюбовать, принять’ (1), *нуныяськыны* ‘нежиться’ (1), *синмаськыны* ‘влюбить’ (6), *туган* ‘возлюбленный, любимый’ (33), *туганкай* ‘возлюбленный, любимый’ (2), *тупаны* ‘договориться о помолвке’ (3), *чуп* ‘поцелуй’ (1), *чупам* ‘прич. от *чупаны*’ (1), *чупам потыны* ‘хотеть поцеловать’ (1), *чупано* ‘прич. от *чупаны*’ (1), *чупаны* ‘целовать’ (24), *чупась* ‘прич. от *чупаны*’ (1), *чупаськыны* ‘целоваться; перен. целоваться’ (4), *эркеяны* ‘ласкать, нежить’ (6), *яраны* ‘нравиться’ (3), *яратон* ‘прич. от *яратыны*’ (35) | ‘любовь’ (4); ‘любимый, любимая’ (1), *яратоно* ‘любимый’ (2), *яратыны* ‘любить; уважать’ (49), *ярашыны* ‘договориться о помолвке’ (1).

Мир эмоций Герда оказался представленным десятью базовыми эмоциями, поскольку для выражения таких чувств, как стыд и смущение, а также отвращение и презрение, поэтом используются одни и те же лексемы (собственно, как в языковой картине мира удмуртского этноса). Семантическое поле эмотивности его стихотворений включает лексические единицы различных частей речи. Но функциональная нагрузка в большей степени приходится на глаголы (при номинативном характере всего словаря [2, 211]). Преобладают глаголы тематических групп «любовь» и «печаль» – по 30 и 26 лексических единиц соответственно. При этом, что положительные эмоции выражаются всеми народами более однообразно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчётливы и многообразны [29, 83]. По числу фиксаций доминируют слова *бёрдыны* ‘плакать; печалиться’ (143) и *мёзмыны* ‘скучать, тосковать; печалиться’ (53). Исследователи отмечают, что «эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков больше, чем с положительной, но употребляются они значительно реже, чем последние» [23, 33]. Однако в поэтической картине мира Герда частоупотребляемыми оказались глаголы с отрицательной оценочной семантикой. К тому же, выделенные глаголы действительно в большинстве случаев, словно в подтверждение мнения исследователей о пессимистичности ранней поэзии Герда, встречаются в его ранних стихотворениях:

*Куанерьёс гынэ
Вордэм поэтсэс
Ярато, гажжало,
Мусо карыло...
Мусо куаразэ.
Кылзыса кылбурзэ
Бёрдо, лулзыло.
Лулзыло, бёрдо. [9, 2]*

Только лишь бедняки
Взрастившего поэта своего
Любят, уважают,
Ценят и лелеют...
Милый голос его.
Стихотворение его послушав,
Плачут, вздыхают.
Вздыхают, плачут.¹

Но, не следует формально приписывать Герду пессимизм, поскольку понимание литературного произведения невозможно вне исторического контекста. В данном стихотворении актуализируется

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш.

извечная проблема взаимопонимания поэта и общества (об историческом контексте пишет Ф. К. Ермаков [12, 154–155]): остро звучит осуждение тех представителей интеллигенции, которые, забыв своё происхождение, свой родной язык, отвернулись от своего народа. С одной стороны, поэт противопоставлен обществу, он одинок в своей цели освободить народ от социального и национального гнёта. Но с другой стороны, духовный мир его обогащается чувством сопричастности к судьбам миллионов: он – цветок, взращённый народом (его любят, уважают, ценят и лелеют), который для поэта сам является наивысшей ценностью. Герд размышлял о поэзии, которая должна была возвысить человека, проложить дорогу к народу, которая призвана была прийти до будущего. Размышления и переживания поэта, героя *романтических* традиций, его нелёгкий путь к идеалу, вероятно, нашли отражение в выделенных эмотивных глаголах.

Наряду с обозначенными эмотивами с отрицательной оценочной семантикой в первой книге стихотворений «Крезчи» («Гусляр», 1922) преобладают глаголы *яратыны* ‘любить, полюбить’ и *шумпатыны* ‘радоваться, порадоваться’, обозначающие положительное эмоциональное состояние. Герд воспекает родные просторы, свободу и мечту о золотом солнце и цветущих мирах. Поэт пишет о любви к родному народу, культуре и языку, о свободе и личной ответственности человека. Неповторимые поэтические находки, потенциативы, получившие эмотивность в тексте, определили тип и строение лирической системы поэта: взаимодействие романтизма и реалистического типа мироощущения.

Эволюцию поэтического мироотношения Герда, в известной степени, можно проследить по словам-аффективам, которых в его поэзии фиксируется небольшое количество, но, тем не менее, они позволяют сделать определённые обобщения. Частота и периодичность фиксаций междометий, обозначающих чувство сожаления и радости, отражают динамику поэтической системы Герда от романтизма к реализму и соцреализму. Междометие *ой!*, обозначающее чувство сожаления, фиксируется 157 раз преимущественно в первом сборнике стихотворений. Возглас радости, воодушевления *эй!*, обращения с призывом к защите революции, её завоеваний, к активному строительству обновлённой жизни встречается 57 раз, чаще – в третьей книге стихотворений «Лёгетъёс» («Ступени», 1931). Но следует заметить, значения находящихся как бы «вне грамматики» междометий полностью раскрываются только в контексте. Порой одно и то же междометие в

различных ситуациях может выражать эмоции, противоположные по значению. Экспрессивная значимость междометий усиливается синтаксически: междометия, выражающие печаль, чувство сожаления и безысходности чаще используются в вопросительных предложениях; междометия, выражающие радость и восторг усиливаются восклицательными знаками. Эти синтаксические конструкции не выражают напрямую какую-либо эмоцию, но с их помощью реализуется эмотивная тональность художественных произведений: лирическая напевность ранних стихотворений Герда меняется на жёсткие, отчётливые рифмы и ритмы. Уверенный ритм в произведениях о труде, о созидании великой державы, риторические восклицания и утверждения рождает ёмкие ассоциации. Но при этом ведут к некоторой утрате образности, приводят к схематизму, что позволяет говорить о складывающемся методе социалистического реализма [14, 184; 3, 93]. Подобного рода утверждения, несомненно, требуют комплексного исследования языковых средств выражения эмотивности, поскольку, пользуясь словами Ф. Г. Фаткуллиной, «среди языковых средств выражения эмотивности выделяется синсематизм, т. е. недостаточность одного языкового средства для передачи сложных эмоциональных состояний» [21, 74]. Обычно эмоциональность в речи выражается совокупностью языковых средств разных уровней.

В поэзии Герда постоянно ощущается эмоциональное отношение автора к звуку и цвету. Визуализация звуков и метафоризация цветов определяют эмоциональный фон его произведений. В интонациях его стихотворений, в их многоголосном звучании нашли отражение ведущие социально-психологические и духовные тенденции начала XX века. Например, в поэме «Гуртын буран» («Буран в деревне») через ненавязчивую, но очень искусную звукопись поэт передаёт атмосферу революции, коллективизации в деревне: *Ö–Э–О–У* – ассонанс рождает ассоциацию завывания ветра. Ассонанс сочетается с аллитерацией: *РТ–Р–РГ–Р* – в звукообразе порывистого, резкого ветра, взвихренного снега создаётся образ «исторической погоды», образ переворота и хаоса:

<i>Гуртын</i>	В деревне
<i>буран,</i>	буран,
<i>Гуртын</i>	В деревне
<i>пурга,</i>	пурга,
<i>Вуж гурт</i>	Старой деревни
<i>урам</i>	улица
<i>Питыр</i>	Кругом
<i>берга.</i> [7, 202]	кружится.

Поэт играет со звуком, акустическую и артикуляционную природу звука использует в качестве выразительного средства, посредством звуковой организации, а также графической разбивки строк передаёт атмосферу происходящих в деревне преобразований. К тому же и цветовая символика, коннотативная семантика цвета предельно ясна по своему смыслу: она знаменует два жизненных исторических начала – ложь и правду, низкое и высокое, прошлое и будущее. Звук и цвет, слившись в поэтической речи, определяют эмоциональный тон впечатлений.

Звукообразы Герда коррелируют с цветообозначениями. Примечателен чёрно-блеклый фон ранних произведений поэта:

*Та съдд-съдд шимес нуналъёсы,
Та шимес съдд-съдд нуналъёсы –
Пинал тиос шур съёрын юмиало,
Шур съёрын лекрутъёс кырзало.* [6, 54]

В эти чёрные-чёрные страшные дни,
В эти страшные чёрные-чёрные дни –
Молодые парни за рекой гуляют,
За рекой рекруты поют.

Изображением тёмного, мрачного пространства, разделённого рекой (границей между своим и чужим миром), хаотическим посвистом ветра (вся ткань стихотворения пропитана свистящими и шипящими звуками), использованием инвертированного параллелизма поэт передаёт атмосферу разрушенной гармонии деревенской жизни.

Этот полумрак, полутона поэтического мира первого сборника Кузубая Герда «Крезьчи» сменяются счастливыми, яркими тонами нового мира в следующем его сборнике «Сяськаяськись музьем» («Цветущая земля», 1927). Пространство третьего сборника «Лёгетъёс» – пространство города и завода, – чаще освещается электричеством. Этот свет выступает актуальным компонентом цвето-светового мира реальности конца 1920-х годов. Но электрический свет в третьем сборнике – это не совсем реальный, скорее искусственный свет. Возможно, электрический свет – это скорее воображаемый, мнимый цвет, некий знак утопического счастья, «места, где стоит вечное солнце». Мысли об утопическом мире Герда встречаются и в книге «Под тенью зэрпала» [4, 40–42]. Отказ от красок и образа золотого солнца в третьем сборнике – это, вероятно, не эстетическая позиция автора. Можно предположить, что это отказ от мечты и счастья, реализацию которых поэт не видит (возможно, поэт не верит в светлое будущее?) (ср. роман Е. И. Замятина «Мы»).

Во всяком случае, Кузубай Герд не захотел стать «государственным поэтом». И с каждым годом усугубляется его положение в литературе: он подвергается несправедливой критике – настоящей травле. Возможно, в цветовом фоне третьего сборника проявилось психологическое состояние поэта, когда он, лишённый творческой свободы, всё же «пытается приспособиться, творить в духе официальной политики в области художественного творчества, поэтому пишет всё больше злободневных, соответствующих общественно-политической ситуации стихотворений» [11, 228].

Таким образом, закономерности звуко-цветовых соответствий позволяют говорить об изменении эстетики, философии его творчества, авторской позиции. Также наши исследования подтверждают, что в вопросах лексической вербализации эмоций Кузубая Герда наиболее важное место занимает метафоризация образов, поскольку именно «метафорическое употребление слова, разрушая его логическое содержание, пробуждает эмоциональные ассоциации, определённым образом направленные» [20, 54–55].

Интерес в этом плане представляют и лексико-фразеологические эмотивы Герда, оригинальные авторские образные выражения, индивидуальные обороты по модели фразеологизмов: *сюлмы малта* ‘переживать, заботиться’ (букв. сердце думает, «сердце = функции сознания»); *сюлмаз шуккиськиз* ‘переживать, заботиться’ (букв. в сердце раздалось, «сердце = звук»); *кёт сёрисъке* ‘рассердиться, разгневаться’ (букв. живот разбивается, «живот = сосуд эмоций») и т. д. В большинстве случаев они являются отражением мировоззрения удмуртского этноса: «если одна из доминант русской культуры – душа, находит средоточие в слове *сердце*, то у удмуртов – это слова *сюлэм* ‘сердце’ и *кёт* ‘живот’» [26, 224]. В других культурах и языках локализация эмоций иная: в китайской картине мира эмоции локализуются в почках, в африканской – в печени и в носу, во французской – в селезёнке [19, 138]. Эти образные сочетания дают возможность художнику передать тончайшие оттенки мыслей, чувств, переживаний. Подобного рода авторские конструкции, в известной мере, определили индивидуально-авторскую манеру письма Герда, эмоциональный стиль его творчества.

Обсуждение и заключение

Уникальность эмоций Герда обнаруживается в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую

лексику, индивидуально авторские фразеологизмы, синтаксические средства (повторы, хиазм, графические разбивки строк, вопросительные и восклицательные синтаксические конструкции) и т. д. Однако эмоциональность художественного слова поэта в большей степени достигается метафоризацией. Лексическая манифестация эмотивных смыслов его образного мира, легко складывающаяся в систему бинарных оппозиций: «любовь – неприязнь», «радость – печаль» и т. д., а также гибкость, подвижность эмотивных смыслов образной системы Герда подтверждают индивидуально-авторскую специфику выражения эмотивных смыслов. Более того, маркеры эмоций и чувств поэта отражают эволюцию его творческого метода. Полученные результаты позволяют ещё раз проследить динамику художественной системы Герда от романтизма до соцреализма. Каждый этап мировоззренческой эволюции поэта востребовал определённые качества поэтики, определённый поэтический приём, определённые компоненты эмоциональности, ибо совершенно очевидно, что выбор изобразительных средств тесно связан с мироотношением автора. В ранний творческий период романтический тип мироощущения оказывается выявленным через эмотивные глаголы с отрицательной оценочной семантикой, вопросительно-побудительные синтаксические конструкции, слова-аффективы, выражающие печаль и боль. Романтические тенденции, пересекаясь с реализмом, проявляются в метафорах Герда. Цветовые оппозиции, звуко-смысловые соотнесения, лексико-фразеологические эмотивы,

являясь, в известной степени, лингвистической репрезентацией мира, максимально выявляют особенности его поэтического стиля и отражают его мировоззрение. Постепенное утверждение соцреалистического метода нашло выражение в восклицательных знаках и эмотивных смыслах находящихся как бы «вне грамматики» междометий, в разбивке строк на подстроичия и фигурных стихах. Поэтический мир Герда предстаёт как крайне неоднозначный и противоречивый, несводимый к какой-либо одной эстетической категории: романтическое, реалистическое, соцреалистическое освещают действительность с разных сторон. Каждый этап эволюции мировоззрения поэта имеет свою эмоциональную тональность и свои формы проявления эмоций.

Проведённый анализ и представленные формулировки итогов исследования открывают новые перспективы изучения его творчества. Интересны исследования эмоционально-маркированных типажей в произведениях Герда, мотивирующей роли эмоций в формировании экологического сознания, коммуникативного поведения читателей, а также изучение проблем перевода поэтических текстов Герда, касающихся сложности передачи различных эмоциональных состояний и их эмоционально-экспрессивных оттенков. Результаты подобного рода исследований могут быть применимы при формировании теоретической основы нового издания «Истории удмуртской литературы», а также в процессе преподавания удмуртской литературы в вузах и школах.

Список источников и литературы

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
2. Бусыгина Л. В. «Временем помечен, Поэт и Человек...»: размышления о слове и эпохе Кузубая Герда. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. 248 с.
3. Ванюшев В. М. Вершины корнями сильны: Статьи об удмуртской литературе. Устинов: Удмуртия, 1987. 264 с.
4. Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 304 с.
5. Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 15–43.
6. Герд К. Крезьчи: Сборник стихов и поэм. Ижевск: Удкнига, 1922. 225 с.
7. Герд К. Легетъёс: Кыкетй кылбуркнига. Ижкар: Удкнига, 1931. 226 с.
8. Герд К. Салам тыныд // Удмурт коммуна. 1930. 10-тй август. 1-тй б.
9. Герд К. Удмурт поэзи // Гудыри. 1921. 24-тй декабрь. 2-тй б.
10. Герд К. Ужлэн крезьбурез // Кенеш. 1928. № 13. 22-тй б.
11. Домокош П. История удмуртской литературы. [Пер. с венг. В. Васовчик]. Ижевск: Удмуртия, 1993. 447 с.
12. Ермаков Ф. К. Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.
13. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
14. Измайлова А. С. Лирика удмуртского поэта Кузубая Герда (опыт системно-субъектного анализа) // Проблема автора в художественной литературе: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1990. С. 180–184.

15. Ионова С. В., Шаховский В. И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 966–987.
16. Камитова А. В. Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 192 с.
17. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
18. Катермина В. В. Эмотивная лексика и перевод // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 82–90.
19. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов ВУЗ-ов. М.: Академия, 2001. 208 с.
20. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2003. 334 с.
21. Фаткуллина Ф. Г. Понятие деструкции в лексической семантике. Уфа: РИЦ БГУ, 2003. 268 с.
22. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. № 10. С. 8–12.
23. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психологии. 2009. № 9. С. 29–42.
24. Шаховский В. И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1 (12). С. 14–27.
25. Шаховский В. И. Коннотация: история, результаты, перспективы // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2018. № 27. С. 9–28.
26. Шушакова Г. Н. Языковые средства выражения эмоций в удмуртском песенном фольклоре // Российское государство: Прошлое, настоящее, будущее: Материалы третьей научной конференции (Ижевск, 17 апр., 1998). Ижевск: Изд-во Международного Восточно-Европейского ун-та, 1998. С. 224–225.
27. Edmondson W. Affect and Language Development. Proceedings. Tübingen: Niemeyer. 1992. pp. 63–71.
28. Heller A. A. Theory of Emotions. Assen: [w/p], 1979. 250 p.
29. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Anglistentag «1991, Duesseldorf»: Proceedings. Edit. by Wilhelm G. Busse, Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1992. pp. 72–89.
30. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: diversity and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 361 p.
31. Wierzbicka A. Emotions of Jesus // Russian Journal of Linguistics. 2018. 22 (1). Pp. 38–53.

References

1. Babenko L. G. *Leksicheskie sredstva oboznachenija jemocij v russkom jazyke* [Lexical means of emotion in the Russian language]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1989. 184 p. (In Russian)
2. Busygina L. V. «*Vremenem pomechen, Pojet i Chelovek...*»: *razmyshlenija o slove i jepohe Kuzebaja Gerda* [«Poet and a man are marked by the Time ...»: reflections about a word and the epoch of Kuzebay Gerd]. Izhevsk: Udmurt. un-t Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
3. Vanyushev V. M. *Vershiny kornjami sil'ny: Stat'i ob udmurtskoj literature* [Vertices are strong by the roots: articles about Udmurt literature]. Ustinov: Udmurtia Publ., 1987. 264 p. (In Russian)
4. Vasilyev S. F., Shibanov V. L. *Pod ten'ju zjerpala (diskursivnost', samosoznanie i logika istorii udmurtov)* [Under the shade of the zerpala (discourse, self-awareness and logic of the history of the Udmurts)]. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta Publ., 1997. 304 p. (In Russian)
5. Wierzbicka A. «*Grust'*» i «*gnev*» v russkom jazyke: *neuniversal'nost' tak nazyvaemyh «bazovyh chelovecheskih jemocij»* [«Sadness» and «anger» in the Russian language: non-universality of the so-called «basic human emotions»]. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i grammatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2001. pp. 15–43. (In Russian)
6. Gerd K. *Krez'chi: Sbornik stihov i pojem* [Guslar: collection of verses and poems]. Izhevsk: Udkniga Publ., 1922. 225 p. (In Udmurt)
7. Gerd K. *Legetjos: Kyketü kylburkniga* [Steps: Second collection of poems]. Izhkar: Udkniga Publ., 1931. 226 p. (In Udmurt)
8. Gerd K. *Salam tynyd* [Hello to you]. *Udmurt kommuna* [Udmurt commune], 1930, August 10, 1 p. (In Udmurt)
9. Gerd K. *Udmurt pojezi* [Udmurt poetry]. *Gudyri* [Thunder], 1921, December 24, 2 p. (In Udmurt)
10. Gerd K. *Uzhljen krez'burez* [Music of labor]. *Kenesh* [Council], 1928, no. 13, 40 p. (In Udmurt)
11. Domokosh P. *Istorija udmurtskoj literatury* [History of Udmurt literature]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1993. 447 p. (In Russian)
12. Ermakov F. K. *Kuzebaj Gerd (zhizn' i tvorcestvo)* [Kuzebay Gerd (life and work)]. Izhevsk: Poligrafkombinat Publ., 1996. 448 p. (In Russian)
13. Izard K. E. *Psihologija jemocij* [Psychology of emotions]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 1999. 464 p. (In Russian)
14. Izmaylova A. S. *Lirika udmurtskogo pojeta Kuzebaja Gerda (opyt sistemno-subjektного analiza)* [Lyrics of the Udmurt poet Kuzebay Gerd (the experience of system and subject analysis)]. *Problema avtora v hudozhestvennoj*

literature: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Author's problem in fiction: International collection of scientific works]. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta Publ., 1990. pp. 180–184. (In Russian)

15. Ionova S. V., Shakhovskiy V. I. *Prospekcija lingvokul'turologicheskoy teorii jemocij Anny Vezhbickoj* [Prospection of the linguoculturological theory of emotions of Anna Wierzbicka]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2018, no. 22 (4), pp. 966–987. (In Russian)

16. Kamitova A. V. *Obraznyj mir Kuzebaja Gerda: original i perevodcheskaja interpretacija* [Image world of Kuzebay Gerd: an original and translation interpretation]. Izhevsk: UIIYAL UrO PAN Publ., 2006. 192 p. (In Russian)

17. Karaulov Yu. N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and language of personality]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 264 p. (In Russian)

18. Katermina V. V. *Jemotivnaja leksika i perevod* [Emotional vocabulary and translation]. *Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Linguistics and Intercultural Communication], 2016, no. 4 (23), pp. 82–90. (In Russian)

19. Maslova V. A. *Lingvokul'turologija: Ucheb. posobie dlja studentov VUZ-ov* [Linguoculturology: Textbook for students of universities]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 208 p. (In Russian)

20. Tomashevskiy B. V. *Teorija literatury. Pojetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2003. 334 p. (In Russian)

21. Fatkullina F. G. *Ponjatie destrukcii v leksicheskoy semantike* [Notion of destruction in lexical semantics]. Ufa: RIZ BGU Publ. 2003. 268 p. (In Russian)

22. Shakhovskiy V. I. *Lingvistika jemocij: osnovnye problemy, rezul'taty i perspektivy* [Linguistics of emotions: main problems, results and prospects]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal], 2008, no. 10, pp. 8–12. (In Russian)

23. Shakhovskiy V. I. *Jemocii kak obekt issledovanija v lingvistike* [Emotions as objects of study in linguistics]. *Voprosy psihologii* [Issues of Psychology], 2009, no. 9, pp. 29–42. (In Russian)

24. Shakhovskiy V. I. *Jemocional'naja komponenta kak mezhparadigmal'nyj intekst* [Emotional component as inter-paradigmatic context]. *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2018, no. 1 (12), pp. 14–27. (In Russian)

25. Shakhovskiy V. I. *Konnotacija: istorija, rezul'taty, perspektivy* [Connotation: history, results, prospects]. *Studia Linguistica* [Studio Linguistics], 2018, no. 27, pp. 9–28. (In Russian)

26. Shushakova G. N. *Jazykovye sredstva vyrazhenija jemocij v udmurtskom pesennom fol'klore* [Language means of expression of emotions in Udmurt song folklore]. *Rossijskoe gosudarstvo: Proshloe, nastojashhee, budushhee: Materialy tret'ej nauchnoj konferencii (Izhevsk, 17 aprelya, 1998)* [Russian state: The past, the present, the future: Materials of the Third scientific conference (Izhevsk, April 17, 1998)]. Izhevsk: Izd-vo Mezhdun. Wostoch.-Evrop. un-ta Publ., 1998. pp. 224–225. (In Russian)

27. Edmondson W. *Affect and Language Development. Proceedings*, Tübingen: Niemeier. 1992. pp. 63–71. (In English)

28. Heller A. A. *Theory of Emotions*. Assen: [w/p], 1979. 250 p. (In English)

29. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words. *Anglistentag «1991, Duesseldorf»: Proceedings*. Edit. by Wilhelm G. Busse, Max Niemeyer Verlag. Tübingen: [w/p], 1992. pp. 72–89. (In English)

30. Wierzbicka A. *Emotions across languages and cultures: diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 361 p. (In English)

31. Wierzbicka A. Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, no. 22 (1), pp. 38–53. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бусыгина Людмила Васильевна, ведущий научный сотрудник Бюджетного научного учреждения Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования» (426051, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. М. Горького, д. 73), кандидат филологических наук.
e-mail: buslw@mail.ru
ORCID.ID: 0000-0002-5265-7704

ABOUT THE AUTHOR:

Busygina Lyudmila Vasilyeva, Leading Researcher, Research Institute of National Education (426051, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, M. Gorky st., 73), Candidate of Philological Sciences.
e-mail: buslw@mail.ru
ORCID.ID: 0000-0002-5265-7704